

Телкова Валентина Алексеевна

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается лингвистическая концепция А. А. Потебни и ее влияние на учебную литературу второй половины XIX в., анализируются взгляды ученого и его сторонников, авторов школьных учебников, на грамматическое значение и структуру сложного предложения в целом и отдельных его типов в частности, отмечаются новые подходы к их интерпретации. В качестве учебной литературы автор рассматривает наиболее известные в то время учебники грамматики Н. И. Баталина, П. А. Виноградова, В. Г. Зимницкого, А. Г. Преображенского и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 195-198. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**PHONETICS OF THE HEROIC EPICS OF THE RUSSIAN NORTH
(BY THE MATERIALS OF THE COLLECTIONS OF THE PUSHKIN HOUSE)**

Tananaiko Svetlana Olegovna, Ph. D. in Philology
Agafonova Marina Pavlovna
Saint Petersburg State University
stananaiko@mail.ru; m.p.agafonova@yandex.ru

In 2014 they created an Internet-resource representing recordings of the heroic epics of the Russian North from the Audio Archive of the Institute of Russian Literature. The site, aimed to make easier the access to the unique recordings for the researchers of folklore and dialects, presents not only the folkloric but also phonetic description of the material, provides illustrative sound bites suitable for transcribing and phonetic description. The paper describes identified phonetic peculiarities and introduces theoretical understanding of the dynamics of changing phonetics of the dialects according to the mentioned materials.

Key words and phrases: phonetics of dialects; Northern Russian dialects; heroic epics of the Russian North; segmental phonetics; vocalism and consonantism of the dialects.

УДК 81'367

Филологические науки

В статье рассматривается лингвистическая концепция А. А. Потебни и ее влияние на учебную литературу второй половины XIX в., анализируются взгляды ученого и его сторонников, авторов школьных учебников, на грамматическое значение и структуру сложного предложения в целом и отдельных его типов в частности, отмечаются новые подходы к их интерпретации. В качестве учебной литературы автор рассматривает наиболее известные в то время учебники грамматики Н. И. Баталина, П. А. Виноградова, В. Г. Зимницкого, А. Г. Преображенского и др.

Ключевые слова и фразы: синтаксис; психологическое направление; интерпретация; сложное предложение; сочинение и подчинение; учебная литература.

Телкова Валентина Алексеевна, к. филол. н.

*Елецкий государственный университет им. И. Бунина
telkova.2014@bk.ru*

**СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА©**

В 70-х годах XIX века в отечественном языкознании возникает психологическое направление, основателем которого является последователь В. Гумбольдта и Г. Штейнталя, языковед-теоретик Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891). Последний, переосмыслив накопленный европейским языкознанием опыт исследований в области языка, заложил фундамент нового направления философско-лингвистических исследований.

Стремясь понять язык в неразрывной связи с мышлением и в то же время рассматривая его в исторической перспективе как постоянно изменяющееся явление, А. А. Потебня сделал акцент на таких разделах науки о языке, как семантика и синтаксис. Изучение синтаксиса в историческом развитии позволило языковеду уделить особое внимание предложению. Во многом это объясняется тем, что язык у А. А. Потебни представляет собой подвижное словесное творчество, находящее выражение в контексте, который служит смысловым фоном для речи.

А. А. Потебня не дает определения предложения, ибо считает, что, история языка, взятого на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложений [13, с. 77], но, как и Ф. И. Буслаев, указывает на основной признак предложения: сказуемость и на, собственную и первоначальную этимологическую форму сказуемого [Там же, с. 65] – глагол: , предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т.е. без глагола в тесном смысле, без причисления к нему глагольных форм); что само по себе *vb. finitum* составляет предложение... Поэтому, определив такой глагол, тем самым определим *minimum* того, что должно заключаться в предложении этих языков [Там же, с. 77-78].

Много принципиально нового по сравнению с предшествующей грамматической традицией внес А. А. Потебня в разработку теории сложного предложения. Языковед не только признал цельность указанной синтаксической единицы, но и дал этому теоретическое обоснование. Приведем слова А. А. Потебни, которые ярко характеризуют его отношение к сложному предложению с точки зрения единства последнего: , Язык стремится уничтожить образования, средние между предложением и членом предложения, и увеличить таким образом противоположность этих категорий: причастия, по функции более отдаленные от глагола, он воплощает в предложение, делает строго подчиненными членами, перевода в категории прилагательного и наречия, а причастия, менее отдаленные от глагола, заменяет личным глаголом, подчиняя лишь высшему единству сложного предложения. <...>

Такое выражение не противоречит стремлению увеличить единство предложения, дифференцируя его члены. В предложении, как в животном организме, связь частей увеличивается по мере увеличения различия их функций [Там же, с. 103]. Как видим, А. А. Потебня в сложном предложении видел высшую, по сравнению с простым предложением, единицу речи. Единство же частей сложного предложения, подмеченное филологом и поставленное им в зависимость от различия их функций, заставляет считать, что в вопросе о сложном предложении А. А. Потебня стоял выше многих лингвистов не только его времени, но и лингвистов последующего периода.

Особого внимания заслуживает мнение А. А. Потебни о ставшем к его времени уже традиционным учении о так называемых , сокращенных придаточных предложениях. Уже до него некоторые исследователи, в частности известный языковед К. С. Аксаков, указывали на недостатки этого учения [1], однако именно А. А. Потебня был первым, кто полностью доказал несостоятельность данной теории. Примерами из памятников он показал, что , сокращенные придаточные предложения древнее полных, следовательно, ни о каком , сокращении не может быть и речи. О самом , сокращении А. А. Потебня говорил: , Вообще этот термин неудобен. Он обязан своим происхождением ошибочной теории, что если логическому суждению соответствует не предложение, а член предложения, то это произошло лишь вследствие некоторого помрачения закона (суждение – предложение), который некогда господствовал во всей своей силе» [13, с. 117-118].

Оценивая вклад А. А. Потебни в развитие теории сложного предложения, трудно не согласиться с мнением профессора В. В. Щедулина, считавшего, что , А. А. Потебня нарисовал картину развития сложного предложения, поставил много проблем генетического порядка. Его тонкие наблюдения и выводы заслуживают самого серьезного внимания. Можно без преувеличения сказать, что учение А. А. Потебни о развитии сложного предложения явилось величайшим вкладом в отечественную науку о языке [15, с. 71].

Проблема сложного предложения занимала одно из центральных мест в учебных грамматиках конца XIX века. Вполне обоснованная критика логической точки зрения на эту синтаксическую единицу со стороны А. А. Потебни привела к некоторым изменениям в освещении этой темы в школьных учебниках. Корректировка коснулась, прежде всего, трактовки понятия сложного предложения, сочинения и подчинения предложений, классификации придаточных предложений и теории , сокращения придаточных предложений.

Как известно, А. А. Потебня не дал общего определения сложному предложению, зато обратил внимание на такой важный признак этой синтаксической единицы, как смысловая целостность. Следствием этого стало переосмысление большинством грамматистов традиционного определения сложного предложения. Теперь данная синтаксическая структура в ряде школьных учебников стала рассматриваться как одно целое, состоящее из отдельных простых предложений. Наиболее типичным было следующее определение: . Соединение нескольких предложений в одно целое называется сложным предложением [2, с. 68; 8, с. 76; 14, с. 55].

Некоторые единомышленники А. А. Потебни, в частности П. А. Виноградов и И. А. Вертоградский, в своих учебных книгах, как и известный лингвист, совсем отказались от определения сложного предложения, ограничившись сведениями о средствах связи между его частями и основных его разновидностях [5; 6].

Вопрос о сочинении и подчинении предложений был неотъемлемой частью учения о сложном предложении. В отличие от логических грамматик, в которых сочинение зачастую рассматривалось за пределами сложного предложения, в большинстве , неграмматических учебников как сложноподчиненные, так и сложносочиненные предложения (данные термины впервые появились в учебнике П. В. Красногорского [11, с. 74, 102]) признавались сложными. Названные структуры противопоставлялись друг другу в основном по характеру смысловых отношений: отмечалась самостоятельность и независимость предложений в сложносочиненном и неравноправие в сложноподчиненном предложениях.

В круг сложносочиненных многие составители руководств традиционно включали соединительные, противительные и разделительные предложения. А. Г. Преображенский к этому списку добавил уступительные [14, с. 64], а П. А. Виноградов и Н. И. Баталин – причинные предложения [2, с. 86; 6, с. 59].

При описании сложноподчиненных предложений большие разногласия возникли при выделении и описании отдельных разновидностей синтаксических структур.

Сторонники Потебни отказались от логико-грамматической классификации придаточных предложений, основанной на общности синтаксических функций членов предложения и зависимых частей сложного предложения.

Составители учебников попытались глубже осмыслить основы классификации придаточных предложений. Так, В. Г. Зимницкий, ориентируясь на мнение известного лингвиста А. С. Будиловича, считавшего, что , этимологическая форма связок подчинительного строя может служить некоторым указанием на то, которому из распространительных терминов простого предложения соответствует и на почве которого развивалось то или другое придаточное предложение» [4, с. 147], дифференцирует придаточные предложения в зависимости от синтаксической функции , связи, соединяющей главное предложение с придаточным [8, с. 87]. В качестве таких связок им рассматривается местоимение *тот* и наречия. Сохраняя устоявшиеся термины, автор выделяет пять групп придаточных предложений: подлежащие, сказуемые, дополнительные, определительные, обстоятельственные. Например: *Кто не богат, тот и алтыну рад* (подлежащее придаточное); *Кто правду хранит, того бог наградит* (дополнительное придаточное) и т.д.

По существу, В. Г. Зимницкий не смог создать оригинальной классификации, а лишь дополнил традиционную указанием на роль и значение чисто грамматических показателей связанности главного и придаточного предложений – относительных слов. Старый принцип, так сказать, был подкреплен со стороны построения самого сложного предложения. Недостаточная разработка концепции В. Г. Зимницкого очевидна.

Своеобразное деление придаточных предложений по разрядам предложил в своем учебнике Н. И. Баталин [2]. Взяв за основу формально-грамматический критерий, он выделил всего лишь два вида придаточных – согласуемые и несогласуемые. К согласуемым относились те придаточные, которые присоединялись к главному предложению с помощью согласуемых частей речи, а именно относительных местоимений *кто, что, который, чей, какой*. Эти предложения грамматист именовал определяющими и допускал, что определять они могут подлежащее, дополнение и именную часть именного сказуемого.

Несогласуемые придаточные предложения, по Н. И. Баталину, подчиняются главным чрез посредство союзов и наречий, т.е. несогласуемых частей речей [Там же, с. 79]. Их составитель руководства называл обстоятельственными.

Представляется, что и классификация, созданная Н. И. Баталиным, довольно противоречива. Это проявилась в том, что фактически за ее основу принималась синтаксическая функция союзных средств, а не придаточного предложения, вследствие чего придаточные одного типа могли оказаться в разных группах. Например, предложение *Дом, в котором мы жили* квалифицировалось как определительное, а *Дом, где мы жили* – как обстоятельство.

Тем не менее современники Н. И. Баталина дали высокую оценку его классификации, отмечая, что ее достоинство заключается в том, что она построена на строго грамматической основе. Это обстоятельство дало возможность автору “Русского синтаксиса” избежать существенного недостатка всех учебных руководств по русскому языку, состоящего в том, что в них синтаксические понятия подчинялись обыкновенно логическим категориям; смешение же этих различных продуктов теоретического мышления, как известно, в высшей степени дурно отзывалось доселе на практических результатах школьного усвоения синтаксического строя русской речи [10, с. 14].

В некоторых учебных руководствах виды придаточных выделялись вообще на разных основаниях. В частности, в учебнике грамматики П. И. Богданова по значению выделялись придаточные подлежащее, сказуемое, дополнительное, определительное и обстоятельство, а по форме, т.е. в зависимости от союзных средств связи, – относительные, вопросительные и союзные [3]. При этом примечательно, что обе классификации совершенно не коррелировали между собой. В этом случае непонятно, зачем автору понадобилась вторая классификация – по форме, которая ничего не добавляла к традиционной классификации.

Особенно ценно, что в отдельных учебниках впервые под сомнение было поставлено учение о сокращенном придаточном предложении. Вслед за А. А. Потебней некоторые грамматисты заговорили о необходимости расширения области простого предложения и сокращения области сложного. Предлагалось рассматривать сокращенное придаточное предложение как распространенный член простого предложения, поскольку считалось, что того выражения нельзя назвать предложением, в котором нет сказуемого, хотя бы это выражение состояло из нескольких слов, связанных по способу согласования и управления [7, с. 375]. На этом основании Н. И. Баталин, В. Г. Зимницкий и И. Я. Киприанович отказались в своих учебниках от термина “сокращенное придаточное предложение”, заменив его терминами “второстепенное сказуемое” и “приложение” [2; 8; 9]. Например, в предложении *Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой* слово *увидя* трактовалось как второстепенное сказуемое, а в предложениях *Мы видели человека, нам знакомого* и *Видя молодого пастуха, у дверей сидящего, я попросил у него стакан воды* слова *знакомого* и *сидящего* именовались приложениями. Заметим, что далеко не все лингвисты были согласны с изменением статуса сокращенных придаточных предложений, считая это невыгодным в учебной практике [12, с. 55]. Тем не менее нельзя не признать, что новый подход к подобным структурам был шагом вперед на пути их научного осмысления.

Таким образом, сопоставляя грамматический материал, касающийся сложного предложения, в учебниках конца XIX в., мы обнаружили, что в рассматриваемый период под влиянием идей А. А. Потебни как представителя психологического направления в отечественной лингвистике появились учебные руководства, в которых их составители попытались отмежеваться от логико-грамматических принципов интерпретации сложного предложения, обратив внимание на его формальные особенности. В свою очередь, это способствовало тому, что вопрос о сложном предложении продолжал углубляться и с точки зрения теоретического осмысления данной синтаксической структуры в целом и с точки зрения дальнейшего исследования отдельных видов предложений.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М.: Тип. Л. Степановой, 1860. Ч. 1. 176 с.
2. Баталин Н. И. Русский синтаксис на основании исследований г.г. Потебни, Миклошича и Гейзе. М.: Тип. Э. Лиснер, 1883. 104 с.
3. Богданов П. И. Русская грамматика. Этимология и синтаксис. Киев: Тип. Ф. А. Иогансона, 1888. 171 с.
4. Будилович А. С. Начертание церковнославянской грамматики, применительно к общей теории русского и других родственных языков. Варшава: Тип. М. Земкевича, 1883. 350 с.
5. Вертоградский И. А. Краткий учебник грамматики (синтаксис и этимология). М.: Тип. К. И. Тихомирова, 1895. 72 с.
6. Виноградов П. А. Учебник русской грамматики: синтаксис. Курск: Губ. прав., 1892. 75 с.
7. Докучаев Т. В. Синтаксические новшества в учебниках по русской грамматике // Педагогический сборник. 1891. № 4. С. 341-378.
8. Зимницкий В. Г. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. Пенза: Губерн. тип., 1885. 201 с.
9. Киприанович И. Я. Синтаксис русского языка. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1885. 111 с.

10. Костылев В. Русский синтаксис на основании исследований г.г. Потевни, Миклошича и Гейзе // Филологические записки. 1885. Вып. III. С. 12-16.
11. Красногорский П. В. Учебный курс синтаксиса. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. 163 с.
12. Наша учебная литература // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. № 1-2. С. 43-61.
13. Потевня А. А. Слово и предложение: введение в теорию. М.: Красанд, 2010. 128 с.
14. Преображенский А. Г. Краткий синтаксис русского языка для средних учебных заведений. М.: Кн. маг. В. В. Думнова, 1881. 80 с.
15. Щейлин В. В. Очерки по общему языкознанию (история языкознания). Липецк: ЛГПИ, 1995. 140 с.

COMPOSITE SENTENCE IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Telkova Valentina Alekseevna, Ph. D. in Philology
Yelets State University named after I. A. Bunin
telkova.2014@bk.ru

The article examines linguistic conception by A. A. Potebnja and its influence on the educational literature of the second half of the XIX century, analyzes views of the scientist and his followers, authors of the school textbooks, on the grammatical meaning and structure of a composite sentence on the whole and its certain types in particular, describes new approaches to their interpretation. As an educational literature the author considers the most popular at that time grammar textbooks by N. I. Batalin, P. A. Vinogradov, V. G. Zimnitskiy, A. G. Preobrazhenskiy et al.

Key words and phrases: syntax; psychological trend; interpretation; composite sentence; coordination and subordination; educational literature.

УДК 8; 81:811.35

Филологические науки

В статье описываются формы выражения повествовательного предложения в кумыкском языке. Отмечается, что основной формой выражения повествовательных предложений является глагол-сказуемое в изъявительном наклонении. Рассматриваются также формы и других наклонений, случаи транспозиции, которые встречаются в повествовательном предложении.

Ключевые слова и фразы: изъявительное наклонение; условное наклонение; индикатив; повелительное наклонение; настоящее время; прошедшее время; будущее время; современный кумыкский язык; транспозиция.

Токтарова Наима Камаловна, д. филол. н., доцент
Дагестанский государственный институт народного хозяйства
sadykovasaida120@mail.ru

О ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, основной формой выражения повествовательных предложений является предложение с глаголом-сказуемым в изъявительном наклонении, реализующемся в формах настоящего, прошедшего и будущего времени.

Настоящее: *Нурия диванда олтуруп къалгъый, терезеден тангны шавласы геле* [7, с. 123] / Нурия, сидя на диване, дремлет; из окна виден луч рассвета.

Основное значение настоящего времени в повествовательном предложении – совершение действия в момент речи: *Къушлар гюзде исси якълагъа гетелер. Къыида къар кеп болса, ашлыкълагъа яхиы бола. Гъар наслу булан бирче ону табитаты да гете* [12, с. 200] / Птицы зимой улетают в теплые края. Если зимой много снега, то хорошо бывает урожаю. С каждым поколением уходит и суть егой (здесь и далее перевод автора – Н. Т.).

Для того чтобы реально представить прошлое, очень часто используются глаголы настоящего времени в значении прошедшего: *Тюнегюн хониулагъа барып къарасам, эшиги ачылып тура, уюнде буса бирев де ёкъ* [7, с. 63] / Вчера у соседей дверь открыта, а дома никого нет; *Бавда олтуруп тура эдим, янгызлыгъымдан якъый, Къарайман уч къуш геле, гъавада учуп-саркъый* (Из народной песни) / Сидел я в саду, устав от одиночества. Смотрю: три птицы летят, в воздухе парят.

Настоящее время в повествовательном предложении может использоваться в значении будущего: *Тангала гетемиз* [2, с. 67] / Завтра уходим; *Бирисигюн юртгъа театр геле* [Там же, с. 83] / Послезавтра в село приезжает театр.